

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

1007^{-е ЗАСЕДАНИЕ}
27 АПРЕЛЯ 1962 ГОДА

СЕМНАДЦАТЫЙ
ГОД

НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предварительная повестка дня (S/Agenda/1007)	1
Приветствие в адрес нового представителя Объединенной Арабской Республики	1
Утверждение повестки дня	1
Индо-пакистанский вопрос:	
Письмо постоянного представителя Пакистана от 11 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5058);	
Письмо постоянного представителя Индии от 16 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5060 и Согг.1);	
Письмо постоянного представителя Пакистана от 29 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5068)	1

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в квартальных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

ТЫСЯЧА СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Пятница, 27 апреля 1962 года, 15 час. Нью-Йорк

Председатель: г-н ШВЕЙЦЕР (Чили)

Присутствуют представители следующих стран: Венесуэлы, Ганы, Ирландии, Китая, Объединенной Арабской Республики, Румынии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции, Чили.

Предварительная повестка дня (S/Agenda/1007)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос:

Письмо постоянного представителя Пакистана от 11 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5058);

Письмо постоянного представителя Индии от 16 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5060 и Согг.1);

Письмо постоянного представителя Пакистана от 29 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5068).

Приветствие в адрес нового представителя Объединенной Арабской Республики

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Прежде чем мы приступим к нашей работе, разрешите мне от имени Совета сердечно приветствовать нового представителя Объединенной Арабской Республики г-на Махмуда Риادا, который впервые присутствует здесь среди нас.
2. Прошлая дипломатическая и общественная деятельность г-на Риادا дает нам полное право надеяться, что его сотрудничество будет столь же ценным, как и сотрудничество его предшественника г-на эль-Заята, и что оно окажет весьма существенную помощь Совету Безопасности в выполнении его высоких обязанностей.
3. Г-н Махмуд РИАД (Объединенная Арабская Республика) (*говорит по-английски*): В моем первом обращении к Совету Безопасности позвольте мне, г-н Председатель, выразить искрен-

нюю благодарность за теплые слова приветствия в мой адрес. Разрешите заверить вас и членов Совета Безопасности в моем самом серьезном намерении с полным сознанием своего долга сотрудничать с вами в деле проведения в жизнь целей Устава Организации Объединенных Наций и справедливого применения его принципов.

4. Исполненный такого намерения, я горжусь тем, что мне выпала честь вместе с вами решать вопросы, которые могут возникнуть перед Советом. У меня на родине велика заинтересованность в работе Организации Объединенных Наций, и правительство Объединенной Арабской Республики неуклонно прилагает все усилия с целью укрепления этой международной организации.

5. Таким образом, в момент, когда я беру на себя всю ответственность в качестве представителя Объединенной Арабской Республики в Совете Безопасности, уместно будет сказать, что возглавляемая мной делегация будет руководствоваться в своей работе принципами Устава, трудиться во имя поддержания всеобщего мира и безопасности. Последнее, по нашему мнению, может быть достигнуто только в том случае, если будут уважаться принципы, провозглашенные в Уставе, а члены Совета Безопасности будут стремиться к достижению этой цели мирными средствами. Проникнувшись таким духом, Совет Безопасности станет играть решающую роль в деле уменьшения международной напряженности, укрепления безопасности и мира во всем мире.

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Индо-пакистанский вопрос

Письмо постоянного представителя Пакистана от 11 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5058);

Письмо постоянного представителя Индии от 16 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5060 и Corr.1);

Письмо постоянного представителя Пакистана от 29 января 1962 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/5068)

6. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Согласно решению, принятому Советом на 990-м заседании, я приглашаю, если не имеется возражений, представителей Пакистана и Индии занять места за столом Совета.

По приглашению Председателя г-н Мохаммед Зафрулла Хан, представитель Пакистана, и г-н Джха, представитель Индии, занимают места за столом Совета.

7. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Члены Совета помнят, что мы приступили к обсуждению этого вопроса на 990-м заседании, состоявшемся 1 февраля 1962 года. На упомянутом заседании члены Совета решили перенести обсуждение этого вопроса на более поздний срок, не ранее 1 марта, имея в виду возобновить обсуждение после совещания между членами Совета и заинтересованными сторонами. Сегодняшнее совещание было созвано в соответствии с этим решением.

8. Г-н ЗАФРУЛЛА ХАН (Пакистан) (*говорит по-английски*): Сегодня утром мой друг посол Джха, представитель Индии, оказал мне честь, передав мне послание министра обороны Индии. Он сказал, что министр обороны весьма сожалеет, что в силу своих многочисленных обязанностей и большой загруженности работой он не имел возможности прибыть в Нью-Йорк, чтобы лично присутствовать на сегодняшнем заседании, и выражает надежду, что я не стану рассматривать это как недостаток вежливости с его стороны. Я далек от мысли упрекать министра обороны Индии в недостатке вежливости; с моей стороны было бы просто неучтиво считать его обязанным присутствовать здесь сегодня или в любое другое время, которое он счел бы не вполне удобным для себя. Я изложил эти мои соображения г-ну Джха. Я заверил его далее, что, если министр обороны испытывает некоторое затруднение в связи с ситуацией, которая сложилась в силу необходимости его присутствия одновременно в разных местах, я готов совместно с представителем Индии обратиться к Председателю с просьбой перенести — если это не создаст неудобств для членов Совета и не расстроит их планов — сегодняшнее заседание на какой-нибудь другой день, скажем, на следующей неделе, который будет удобен для членов Совета. Мистер Джха, однако, заверил меня, что это не входит в его намерения, что он находит совершенно удобным и уверен, что также и министр обороны найдет вполне удобным, если Совет Безопасности в соответствии с планом его работы проведет это заседание сегодня. Поэтому я полагаю, что теперь я имею полное право,

несмотря на отсутствие министра обороны, выступить в Совете Безопасности, и уверен, что в сложившихся обстоятельствах министр обороны Индии не сочтет неуважением с моей стороны мое выступление в его отсутствие.

9. На 990-м заседании Совета, состоявшемся 1 февраля, я уже имел честь изложить обстоятельства дела, так сказать, в несколько суммарном виде, если принять во внимание всю сложность данного вопроса. Боюсь, что сегодня, когда должно быть возобновлено отложенное обсуждение, мне придется в подробностях осветить хотя бы некоторые аспекты данной проблемы, которые являются решающими для правильного понимания разногласий, возникших по этому вопросу между Индией и Пакистаном. Помнится, я уже кратко коснулся позиции индийских княжеств, отличавшейся от позиции Британской Индии накануне получения независимости летом 1947 года.

10. Совет Безопасности уже много слышал и еще больше услышит о присоединении княжества Джамму и Кашмир к Индии или Пакистану, о чем и идет спор, но сейчас необходимо сказать несколько слов о самом присоединении. Каково происхождение этого вопроса? Что касается закона о независимости Индии, принятого в 1947 году английским парламентом, то в нем не имеется никаких упоминаний о присоединении княжеств к одному доминиону или к другому, поскольку и Индия, и Пакистан должны были только начать свое независимое существование. В упомянутом законе в этой связи говорится в сущности только одно (это положение содержится в разделе 7): в назначенный день, а именно в день провозглашения независимости, верховная власть Британской короны над этими княжествами и действие всех договоров и соглашений, которые существовали между Британской короной и правителями этих княжеств, прекращаются.

11. Какое же возникло положение? Закон его не определяет, а в истории государственного права подобная ситуация имеет мало прецедентов. По правде говоря, таковых попросту нет. Одно ясное указание, которым мы располагаем, исходит от г-на Айянгара, представителя Индии, и сделано им в выступлении перед Советом Безопасности в самом начале нашего спора. Оно касается вопроса о том, каким должно было быть положение в отношении индийских княжеств после того, как они стали независимыми согласно закону о независимости Индии. Чуть позже я перейду к этому высказыванию.

12. Я хотел бы отметить, что в Белой книге, выпущенной правительством Индии 10 августа 1948 года, имеется ясное указание, которое гласит:

«Правительство Индии твердо придерживается того взгляда, что, каковы бы ни были суверенные права, переданные этим княжествам по окончании господства (то есть по исте-

чении суверенных полномочий Великобритании), они принадлежат народу и в каждом княжестве должны быть созданы условия для свободного и беспрепятственного осуществления этих прав».

13. Итак, в этой, как я уже сказал, своеобразной исторической конституционной ситуации, которая возникла тогда, мы берем за отправное положение мысль о том, что суверенные права, возвращенные этим княжествам после ликвидации английского господства, принадлежат народу.

14. Откуда же взялась мысль о присоединении? Идея присоединения уже тогда носилась в воздухе. Как, возможно, вспомнят члены Совета Безопасности, если они знакомы с конституционной историей Индии до принятия закона о независимости, предпринимались различные попытки разрешить этот вопрос путем переговоров между главными политическими партиями, с одной стороны, и англичанами — с другой. Попытка, непосредственно предшествовавшая той, что завершилась принятием закона о независимости Индии, была предпринята так называемой «миссией британского кабинета» летом 1946 года. «Миссия кабинета» была направлена в Индию премьер-министром Эттли и состояла из трех видных членов английского кабинета: лорда Петик-Джоуренса, являвшегося министром по делам Индии; блестящего государственного деятеля и политика сэра Стаффорда Криппса, который, помнится, был в то время не то лордом-хранителем печати, не то лордом-председателем совета; и г-на А. В. Александера, который был тогда первым лордом адмиралтейства.

15. Нет необходимости подробно говорить о достигнутом этой миссией успехе, который был весьма значительным. Члены миссии добились заключения соглашения между Индийским национальным конгрессом и Мусульманской лигой, на которое пошли обе стороны и в результате которого можно было бы сохранить политическое единство Индии. Это вопрос истории. Но когда они изучали этот вопрос, они также столкнулись с такой проблемой: что станет с индийскими княжествами согласно плану, который они выдвинули и который был немедленно принят?

16. Меморандум «миссии кабинета» по вопросу об индийских княжествах от 12 мая 1946 года¹ излагал идею присоединения. В нем указывалось, что положение княжеств укрепитя во время этого периода становления, если различные правительства, которые до сих пор этого еще не сделали, предпримут действенные меры, с тем чтобы войти в тесный и постоянный контакт с общественным мнением в их княжествах при помощи тех или иных представительных уч-

реждений. Далее в меморандуме говорилось, что это означает, что права княжеств, вытекающие из их отношений с Коронай, прекратят свое существование и что все права, от которых княжествам пришлось отказаться в пользу верховной власти Великобритании, будут им возвращены. В конце меморандума говорилось: .

«Политические соглашения между княжествами, с одной стороны, и Британской короной и Британской Индией, с другой стороны, таким образом, прекратят свое действие. Образовавшийся политический вакуум необходимо будет заполнить либо федеральными узлами между княжествами и будущим правительством или правительствами в Британской Индии, либо, при отсутствии таких уз, определенными политическими соглашениями княжеств с таким правительством или правительствами».

17. В то время предполагалось, что независимое правительство Индии будет федеральным, объединяющим три зоны. Поэтому идея отыскания места для этих княжеств, чтобы заполнить политический вакуум, который должен был возникнуть после ликвидации британского владычества, состояла в том, чтобы княжества либо добровольно вошли в федеральную систему, либо пришли к определенным соглашениям с будущим правительством или правительствами. Вот как возникла мысль о присоединении.

18. Итак, если следовать взгляду, которого твердо придерживается правительство Индии, все суверенные права, переданные княжествам по окончании английского владычества, принадлежат народу, так что именно народ должен решать, пользуясь выражением «миссии кабинета», какие узлы следует ему установить в целях заполнения политического вакуума с одним из двух образующихся правительств.

19. Каковы были те принципы, которые должны были иметь в виду эти княжества при решении вопроса о присоединении? Теоретически каждое княжество было свободно присоединиться к одному или другому доминиону, однако нужно было учитывать и некоторые соображения необходимости.

20. Эти соображения были изложены лордом Маунтбэттенем в обращении к правителям княжеств — в дальнейшем я зачитаю Совету сделанную им тогда декларацию. Этот же принцип был им изложен магарадже Джодхпура, о чем рассказывает г-н В. Р. Менон на стр. 117 своей книги «История интеграции индийских княжеств»²:

«Лорд Маунтбэттен разъяснил, что с чисто юридической точки зрения нет возражений против того, чтобы правитель Джодхпура присоединился к Пакистану. Однако, подчеркнул он, магараджа должен серьезно взвесить по-

¹ *Официальные отчеты Совета Безопасности, двенадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1957 года, документ S/PV.762/Add.1, приложение IV, раздел 1.*

² Calcutta, Orient Longmans Ltd., 1956.

следствия подобного акта, учитывая тот факт, что он сам является индусом, что его княжество в основном населено индусами и что это же можно сказать и о княжествах, окружающих Джодхпур. В свете этих соображений, в случае если бы магараджа присоединился к Пакистану, его действия, безусловно, противоречили бы принципу, лежащему в основе раздела Индии на преимущественно мусульманские и немусульманские районы, причем в результате подобного присоединения неминуемо возникли бы серьезные волнения и беспорядки среди населения княжества».

21. Выступая с речью в палате князей, собравшейся 25 июля 1947 года³, за три недели до назначенного дня провозглашения независимости, на специальную пленарную сессию в Нью-Дели, лорд Маунтбэттен в общих выражениях посоветовал князьям следующее:

«Было необходимо создать два департамента княжеств, по одному в каждом из правительств, поскольку княжества теоретически свободны соединять свое будущее с тем доминионом, который они предпочтут. Однако, говоря, что они свободны связать свою судьбу с любым из доминионов, я хотел бы отметить, что имеются определенные обязывающие географические факторы, которых нельзя избежать...

...Вы никуда не денетесь от правительства доминиона, который является вашим соседом, так же как вы никуда не денетесь от подданных, за благосостояние которых вы отвечаете. Независимо от того, какое вы примете решение, я надеюсь, что вы считаете, что я во всяком случае выполнил мою обязанность перед княжествами».

22. Следуя этому общему положению и применяя его к конкретному случаю, как я уже сообщал Совету, лорд Маунтбэттен указал магарадже Джодхпура, что большинство его подданных — индусы, а согласно принципу деления Индии большинство соприкасающихся районов одной религиозной принадлежности образует один из независимых штатов, а другой религиозной принадлежности — другой штат; таким образом, если бы магараджа действовал вразрез с этим принципом (хотя теоретически он имел право поступать, как ему заблагорассудится), это противоречило бы основной идее деления и он столкнулся бы с серьезными затруднениями.

23. Таковы вкратце основные факты в связи с вопросом о присоединении. С разрешения Совета, я вернусь к этому позже, когда буду говорить о Кашмире. Вот, однако, два непреложных факта: во-первых, решать должен народ; и, во-вторых, если будет принято решение, противоречащее воле народа, то это приведет к серь-

езным беспорядкам. В сущности этот принцип был в дальнейшем развит правительством Индии: любое подобное решение не будет иметь законной силы, не будет признаваться и претворяться в жизнь. Я еще вернусь к этому.

24. Сейчас мне хотелось бы кратко охарактеризовать те условия, в которых возник кашмирский вопрос. Для этого мне, как это ни прискорбно, придется — надеюсь, очень коротко — напомнить те в высшей степени трагические события, которые произошли в дни, когда Индия и Пакистан получили независимость. Я не собираюсь обвинять кого-либо, я не собираюсь извлекать на свет божий то, чему лучше оставаться погребенным. Но чтобы понять существо этого вопроса, необходимо совершить небольшой экскурс в прошлое.

25. В нескольких индийских княжествах — я назову три: Бхаратпур, Патиала и Капуртхала — правители предприняли серьезную попытку уничтожить ту религиозную общину, к которой сами они не принадлежали. В двух случаях эти попытки удалась частично, а в третьем — полностью. Полным успехом попытка уничтожить иноверцев увенчалась в княжестве Капуртхала, которое отличалось двумя существенными особенностями: во-первых, на северо-западе княжество Капуртхала примыкало к районам с мусульманским большинством и, во-вторых, в самом княжестве большинство населения составляли мусульмане. Действия магараджи были настолько эффективны, что через несколько дней в княжестве Капуртхала осталось в живых только два мусульманина — и это там, где раньше мусульман было большинство!

26. Это исторический факт. Я не жалею. Как я уже сказал, я никого не хочу обвинять. Но все это имеет прямое отношение к кашмирскому вопросу. Как вы сейчас увидите, я назвал эти три княжества, потому что именно в связи с ними возникли опасения, которые привели к волнениям в княжестве Джамму и Кашмир.

27. Лондонская газета «Таймс» сообщила 10 октября 1947 года, что магараджа Кашмира также попытался избавиться, если не полностью, то во всяком случае в значительной мере, от мусульманской части населения княжества, которую он, несомненно, считал способной учинять беспорядки и проявлять неповиновение (как оно и оказалось), и сам встал во главе собственных вооруженных сил. Таково сообщение, опубликованное в лондонской «Таймс» за одиннадцать или двенадцать дней до какого бы то ни было вторжения в княжество племен. Я попрошу членов Совета запомнить эти даты, потому что Совет уже слышал и впоследствии еще больше услышит об агрессии, совершенной против магараджи и княжества. В сообщении от 10 октября 1947 года речь шла, надо думать, о событиях, случившихся за день-два до этого; таким образом, упомянутые события произошли за две недели до первого вторжения племен. Сообщение это весьма кратко, но и весьма многозначительно:

³ Официальные отчеты Совета Безопасности, двенадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1947 года, документ S/PV.762/Add.1, приложение IV, раздел 2.

«Двести тридцать семь тысяч мусульман систематически истреблялись вооруженными отрядами княжества Догра во главе с самим магараджей, если только им не удавалось бежать в Пакистан, перейдя границу».

28. Именно эта кампания, предпринятая магараджей против своего собственного народа, с тем чтобы избавиться от большинства народа или же превратить большинство в незначительное меньшинство или по крайней мере запугать и терроризировать его, и послужила причиной всех беспорядков. Народ восстал, как этого и следовало ожидать: ведь та часть княжества (носившая тогда название Пунч), где была проведена эта кампания, была населена людьми, значительная часть которых участвовала во второй мировой войне. Местные жители не были похожи на обитателей долины, для которых не было привычным носить оружие. Эти люди отважно сражались с оружием в руках и хорошо умели обращаться с оружием.

29. Итак, освободительное движение в этом княжестве началось в ответ на весьма крутые меры, предпринятые правителем княжества против своего собственного народа, который он обязан был охранять и защищать и о благосостоянии которого он должен был заботиться. Всему этому имеются бесспорные доказательства. Но тот факт, что именно это наряду с событиями, имевшими место в других индийских княжествах (особенно в тех трех, которые я назвал), было причиной всех последующих беспорядков, вытекает из показаний шейха Мохаммеда Абдуллы, который, пусть сегодня он и далеко не в почете (в ходе моего выступления мне еще придется вернуться к этому), в то время рассматривался премьер-министром Индии и г-ном Аянгаром, который от имени Индии выступал перед Советом, бесспорным политическим лидером народа Кашмира.

30. Шейх Абдулла, который был выдающейся политической фигурой в Кашмире уже в начале тридцатых годов, развернул за несколько лет до объявления независимости движение против магараджи, опираясь на свою политическую организацию Национальная конференция Джамму и Кашмира. Движение это происходило под лозунгом «Вон из Кашмира», то есть ратовало за то, чтобы магараджа покинул Кашмир, за что шейх и был в 1946 году, за год до принятия закона о независимости, приговорен судом княжества к семи годам строгого тюремного заключения по обвинению в антиправительственной деятельности, то есть за то, что он возглавлял движение «Вон из Кашмира». Но когда в Кашмире начались волнения, его выпустили и, надо полагать, отправили в Дели. 21 октября 1947 года он совершенно точно был в Дели, опять-таки до вторжения племен. Но когда освободительное движение в Кашмире уже приобрело широкий размах, он сделал в Дели заявление по поводу причин этих волнений, которое и было опубликовано. Он сделал его, по-моему, на

пресс-конференции. В ходе пресс-конференции он сказал следующее:

«Пакистан весьма заинтересован в его присоединении (то есть в присоединении княжества) из-за стратегического положения Кашмира. Ведь если княжество будет присоединено к Индии, то Пакистан окажется полностью окруженным».

Затем в заявлении говорилось следующее:

«Поясняя, на какие трудности был обречен народ, не имевший достойного правительства, шейх Абдулла сказал, что события, происшедшие в определенных княжествах, таких как Пагиала, Бхаратпур и Капуртхала, да и повсеместно (теперь члены Совета Безопасности смогут оценить упоминание в этом заявлении шейха Абдуллы об этих княжествах и понять, что это были за события), совершенно естественно вызвали серьезные опасения у мусульман в Кашмире, которые составляли большинство населения. Они боялись, что присоединение княжества к Индии будет чревато для них большой опасностью. Шейх Абдулла сказал, что нынешние беспорядки в Пунче, зависимой от Кашмира провинции, вызваны неразумной политикой этого княжества. Народ Пунча, который страдал под игом своего местного правителя, а потом — под игом магараджи Кашмира, правителя Пунча, развернул широкое движение за восстановление справедливости. Движение это не носило религиозного характера. Кашмир послал свои войска, и в Пунче началась паника. Но большинство взрослых мужчин в Пунче, объяснил шейх, служили раньше в индийской армии (их вполне можно было называть ветеранами), причем они были тесно связаны с жителями Джелама и Равалпинди (это районы Пакистана). Они эвакуировали женщин и детей (иными словами, эвакуировали их в Пакистан, зная, что иначе им пришлось бы перенести испытания, выпавшие на долю мусульман в других княжествах), перешли границу и возвратились с оружием, которым снабдили их сторонники. И создалось такое положение, при котором в некоторых районах войска княжества Кашмир вынуждены были отступить».

31. Народ, начавший освободительное движение, изгнал правительственные войска княжества из некоторых районов территории, на которых началось это движение, причем почти все солдаты-мусульмане, служившие в войсках княжества, присоединились к восставшим, поэтому положение княжества и магараджи становилось шатким и опасным. Затем 22 октября произошло вторжение племен. Через три дня, то есть к 25 октября, положение магараджи в Сринагаре стало, с точки зрения безопасности, угрожающим. Он покинул столицу и перебрался в Джамму.

32. Отвлечемся здесь на минуту и снова рассмотрим принципы, на которые я уже обращал

внимание и которых опять коснусь в дальнейшем. Как же обстояло тогда дело применительно к вопросу о присоединении? Фактическое положение было следующим. Магараджа предпринял действия, о которых я уже упоминал, и в ответ народ восстал против его правления. В некоторых районах его власть была свергнута, а правительственные войска княжества изгнаны. Повстанцы находились, по-моему, в каких-нибудь шести милях от Сринагара, когда магараджа был вынужден бежать из столицы и, пробираясь всю ночь через труднопроходимые горные перевалы, добрался наутро до Джамму.

33. Г-н В. П. Менон, который в то время был кем-то вроде политического министра правительства Индии, ведавшего отношениями с индийскими княжествами, дал отчет о событиях, происшедших впоследствии. Прежде всего г-н Менон отправился в Сринагар, чтобы встретиться с магараджей, пока магараджа еще был там. Вернувшись в Нью-Дели, чтобы сделать отчет и проконсультироваться, он уже тогда доложил, что, если Индия не будет готова оказать магарадже помощь войсками, власти и господству магараджи в княжестве скоро придет конец. Затем г-н В. П. Менон отправился в Джамму, куда перебрался магараджа, и вел там с ним переговоры. Магараджа, несомненно, выразил желание получить военную помощь от Индии. Г-н Менон объяснил ему, что помощь будет ему оказана только в том случае, если он присоединится к Индии. Тогда магараджа написал заявление с просьбой о присоединении, сопроводив его длинным письмом, в котором упомянул, что, поскольку иным путем он не может получить от Индии военную помощь, он выражает желание присоединиться к Индии.

34. Отчет г-на Менона дает представление о создавшемся положении. Я уже упоминал об «Истории интеграции индийских княжеств». Цитирую стр. 399 и 400 этой книги:

«Мы покинули Сринагар на рассвете 26 октября, и сразу же по прибытии в Дели я направился на заседание комитета обороны. Я сообщил о моих впечатлениях относительно обстановки и указал на крайнюю необходимость охраны Кашмира от вторгшихся. Лорд Маунтбэттен заявил, что было бы неправильно вводить индийские войска в государство, которое в данный момент является независимым, поскольку Кашмир еще не решил, присоединяться к Индии или к Пакистану. Если магараджа действительно желает теперь присоединиться к Индии, то Джамму и Кашмир станут частью индийской территории. Это явилось бы единственной основой, на которой индийские войска могли бы быть посланы для спасения княжества от дальнейшего разорения вторгшимися агрессорами. Он затем выразил свое твердое убеждение, что ввиду состава населения присоединение должно быть обусловлено волей народа, выявленной при помощи плебисцита».

Я повторяю: «присоединение должно быть обусловлено»; таков отчет высшего политического чиновника правительства Индии, который от имени правительства Индии принимал участие в этих переговорах. Он докладывает, что лорд Маунтбэттен, генерал-губернатор Индии, ясно и недвусмысленно заявил, что присоединение должно быть обусловлено волей народа, выявленной при помощи плебисцита,

«...после того как участники вторжения будут изгнаны из княжества и там будет восстановлен правопорядок. С этим охотно согласились Неру и остальные министры».

35. Впоследствии различные объяснения и истолкования исказили действительную картину. Но вот человек, который сыграл немаловажную роль во всей этой ситуации, и непосредственно от него мы узнаем, что же произошло. Он сообщает, что лорд Маунтбэттен заявил, что присоединение «должно быть обусловлено волей народа, выявленной при помощи плебисцита, после того как участники вторжения будут изгнаны из княжества», и что на это «охотно согласились Неру и остальные министры».

36. Я продолжаю цитировать:

«Вскоре после заседания комитета обороны я вылетел в Джамму в сопровождении г-на Махаджана (судья верховного суда Пенджаба в отставке, который в то время был назначен магараджей премьер-министром княжества). По прибытии во дворец я увидел, что все находится там в состоянии полнейшего беспорядка, причем повсюду валялись разбросанные ценные предметы. Магараджа спал, он выехал из Сринагара накануне поздно вечером и ехал на машине всю ночь. Я разбудил его и рассказал о том, что произошло на заседании комитета обороны. Он сразу же изъявил готовность присоединиться. Он без промедления составил письмо генерал-губернатору, описывая постигшее княжество несчастье и повторяя свою просьбу о военной помощи. Он далее информировал генерал-губернатора, что он намерен сразу же создать временное правительство и просить шейха Абдуллу выполнять государственные обязанности в этой чрезвычайной обстановке вместе с его премьер-министром Мехр Чанд Махаджаном».

Речь здесь идет о том самом шейхе Абдулле, который перед этим был приговорен к семи годам строгого тюремного заключения, а теперь, как мы увидим далее, уже более трех с половиной лет находится под так называемым судом, причем суд этот так нигде и не происходит. В результате этого шага, предпринятого магараджей, шейх Абдулла оказался бы связанным с премьер-министром, а правительство Индии, и в особенности премьер-министр Индии, получили бы заверения в том, что магараджа передает теперь власть представителю народа. Я продолжаю цитировать:

«В заключение он сказал, что в Сринагар должна немедленно прийти помощь — в противном случае княжество нельзя будет спасти».

37. Прежде чем цитировать дальше, я хотел бы подчеркнуть следующее. Власть магараджи не только аннулировалась теоретически, но даже в Дхамму висела на волоске. Он уже бежал из Сринагара. В этом отчете есть два весьма важных фактора, подтверждающих это. Один фактор — состояние, в котором г-н Менон застал дворец по прибытии: повсюду были разбросаны ценности; царил полнейший беспорядок, красноречиво говоривший о том, что здесь готовились к бегству. Но существует и еще один, не только очень важный, но и весьма знаменательный фактор в этом положении. Я снова цитирую:

«Он также подписал документ о присоединении. В момент, когда я уезжал, он сказал мне, что, прежде чем пойти спать, он дал указание своему адъютанту, чтобы в случае, если я возвращусь из Дели, его не беспокоили, поскольку это означало бы, что правительство Индии решило прийти ему на помощь и он поэтому может мирно почивать. Но если я не вернусь, это означало бы, что все потеряно, и в этом случае его адъютант должен был застрелить его во время сна».

Вот чего стоила в то время его власть, вот что от нее оставалось.

38. Я продолжаю цитировать:

«С документом о присоединении в письме магараджи я сразу же вылетел обратно в Дели. Сардар (то есть Сардар Патель, который был тогда министром по делам индийских княжеств) ждал меня на аэродроме, и мы оба направились прямо на заседание комитета обороны, которое было созвано в тот вечер. Последовало длительное обсуждение, в конце которого было решено, что следует утвердить присоединение Дхамму и Кашмира при условии (как видите, ранее говорилось «обусловлено», в данном случае — «при условии»), что в княжестве будет проведен плебисцит, как только будут восстановлены законность и общественное спокойствие. Далее было решено, что на следующий день в Сринагар вылетит пехотный батальон».

39. Вот каково было положение, при котором произошло так называемое присоединение. Извещение о том, что это присоединение утверждено, было передано магарадже лордом Маунтбэттенем как генерал-губернатором. Он, кроме того, написал магарадже письмо, которое не только проливает свет на вопрос, о котором я сейчас говорю, но и имеет также большое значение само по себе.

В письме сообщается:

«Письмо Вашего Высочества от 26 октября 1947 года было передано мне г-ном В. П. Меноном. Ввиду особых обстоятельств, упомяну-

тых Вашим Высочеством, мое правительство решило согласиться на присоединение княжества Кашмир к индийскому доминиону. В соответствии с политической линией, определяющей, что если вопрос о присоединении княжества является предметом спора...»

Здесь же предметом спора являлся не только вопрос о присоединении — княжество совсем было избавилось от магараджи. И вот генерал-губернатор в торжественном официальном государственном документе излагает политику своего правительства, которая сводится к тому, что в каждом отдельном случае, когда вопрос о присоединении княжества является предметом спора,

«...этот вопрос должен быть решен в соответствии с волей народа княжества, и мое правительство выражает пожелание, чтобы как только в Кашмире воцарится закон и порядок и территория княжества будет очищена от вторгшихся туда захватчиков, вопрос о присоединении княжества был решен волей народа».

Что может быть более торжественным, более обязывающим, чем это заявление?

40. Мне говорили (а потом я и сам удостоверился в этом, просмотрев документы), что Индия придерживается версии, что она ни в коем случае не намеревалась брать на себя какое бы то ни было обязательство. «Мое правительство выражает пожелание» — это трактуется как всего-навсего пожелание, а ведь, к сожалению, сколько пожеланий остается неудовлетворенными!

41. При всем моем уважении я должен заявить, что это следует квалифицировать как по меньшей мере несерьезный подход к весьма серьезному делу. Во-первых, выражение этого пожелания нельзя брать в отрыве от предложения, за которым оно следует: ведь предыдущее предложение излагает политику правительства. Политика же правительства состоит в том, что там, где вопрос о присоединении является предметом спора, его необходимо решить свободным волеизъявлением народа. Пожелание правительства находится в полном соответствии с этой политикой. По сути дела даже упор на это, который я вынужден сейчас делать, можно рассматривать как неуместный; в нем нет никакой необходимости, ибо просто невозможна какая-либо иная интерпретация. Но даже если это было всего-навсего пожеланием правительства, это пожелание правительства выражено в торжественном официальном документе главой правительства, генерал-губернатором, в акте принятия присоединения, временного и оговоренного условиями, причем он заявляет, что окончательное решение должно быть принято при помощи плебисцита. Я повторяю снова: ничто не может быть более торжественным, чем это заявление, ничто не может быть более серьезным и ответственным. Как же может кто-либо, кто-либо ответственный

за такое заверение, пытаться впоследствии отказать от этого, заявляя: «Ведь это было не больше как выражение пожелания; а в нашей жизни, как это ни печально, многие и многие пожелания остаются неосуществленными».

42. Я продолжаю цитировать письмо лорда Маунтбэттена:

«Тем временем в ответ на просьбу Вашего Высочества о предоставлении военной помощи отряды индийской армии были направлены сегодня в Кашмир (кстати, они уже находились там до того, как это письмо было подписано), чтобы помочь вашим вооруженным силам защитить вашу землю, жизнь, имущество и честь вашего народа. Мое правительство и я с удовлетворением отмечаем, что Ваше Высочество решило предложить шейху Абдулле сформировать временное правительство для совместной работы с вашим премьер-министром».

Я подчеркиваю это также и потому, что впоследствии так называемые выборы неоднократно подтасовывались, а нас хотят уверить в том, что вопрос этот можно теперь рассматривать как окончательно разрешенный.

43. Теперь давайте посмотрим, можно ли считать этот вопрос окончательно разрешенным, даже если бы выборы были свободными, и ознакомимся с характером этих выборов. В этой связи было бы уместно провести сравнение этой процедуры с отправлением правосудия в данном княжестве, чтобы пронаблюдать торжественный процесс, в который, как предполагается, правительство никогда не должно вмешиваться, а затем решить, может ли политическая акция вроде выборов, которые часто бывают фальсифицированными (не только в индийских княжествах, или в Индии и Пакистане, или в других местах, но даже и в более передовых странах), рассматриваться в качестве окончательного решения этого вопроса. Даже свободные выборы не могли бы окончательно решить этот вопрос, если принять во внимание обязательства сторон. Итак, произошло присоединение, на помощь магарадже были посланы войска, они очищали территорию княжества от вторгшихся элементов и от повстанцев, восставших против власти магараджи, — до поры до времени. Затем, поскольку этот процесс явно затянулся, правительство Индии представило 1 января 1948 года всю эту проблему на рассмотрение Совета Безопасности.

44. Какова же была позиция Индии в Совете Безопасности в отношении имевшего место присоединения и в отношении окончательного решения вопроса о присоединении? В этой связи есть много высказываний, к которым можно было бы привлечь внимание. Я, однако, ограничусь тремя-четырьмя выдержками.

45. Уже в своей телеграмме от 27 октября 1947 года премьер-министр Индии дал премьер-министру Пакистана следующее заверение:

«Мне хотелось бы пояснить, что вопрос об оказании помощи Кашмиру в этих чрезвычайных обстоятельствах ни в коем случае не должен влиять на решение княжества присоединиться к Индии».

Так писал один премьер-министр другому; это государственный документ. Пакистан, разумеется, был обеспокоен теми событиями, которые имели место в прошлом и происходили в тот момент, и таково было заверение, данное премьер-министром Индии премьер-министру Пакистана. Я повторяю:

«Мне хотелось бы пояснить, что вопрос об оказании помощи Кашмиру в этих чрезвычайных обстоятельствах (то есть в деле избавления от вторгшихся племен и от восставших, в подавлении восстания) ни в коем случае не должен влиять на решение княжества присоединиться к Индии. Наше мнение, которое мы неоднократно и во всеуслышание излагали, состоит в том, что вопрос о присоединении любой территории или княжества, о которых идет спор, должен решаться в соответствии с волей народа, и мы твердо придерживаемся этого мнения».

46. Затем в телеграмме премьер-министра Индии от 31 октября 1947 года на имя премьер-министра Пакистана говорилось:

«Наше заверение, что мы отзовем наши войска из Кашмира, как только там будут восстановлены мир и порядок (ничто не может быть яснее), и предоставим народу княжества самому решить вопрос о своем будущем, — это не просто обещание вашему правительству (это, разумеется, больше чем обещание правительству), а обещание народу Кашмира и всему миру».

Сегодня толкуют о простом «пожелании» и говорят: «Как это ни печально, многие и многие пожелания остаются неосуществленными». Но здесь сказано: «Наше заверение, что мы отзовем наши войска из Кашмира, как только там будут восстановлены мир и порядок, и предоставим народу княжества самому решить (не утвердить, а решить!) вопрос о своем будущем, — это не просто обещание вашему правительству, а обещание народу Кашмира и всему миру».

47. Потом, в своем выступлении по радио 2 ноября 1947 года, премьер-министр сказал:

«Мы во всеуслышание объявили, что судьбу Кашмира в конечном счете должен решать народ Кашмира. Это обязательство (было заверение, было обещание, теперь речь уже идет об обязательстве!) мы дали не только народу Кашмира, но и всему миру. Мы не хотим, да и не можем отказаться от него... Мы не хотим какого-либо завершения вопроса сейчас, в момент кризиса, не дав народу Кашмира полную возможность сказать свое слово».

Только народ должен в конечном счете решать. И позвольте мне пояснить, что наша политика все время сводилась к следующему: там, где присоединение княжества к доминиону является предметом спора, вопрос о присоединении должен быть решен народом этого княжества». — Я повторяю: «вопрос о присоединении должен быть решен народом этого княжества». — В соответствии с этой политикой мы и добавили условие к документу о присоединении Кашмира».

Другими словами, «мы принимаем присоединение при условии, что...»

48. Впоследствии представитель правительства Индии в Совете Безопасности заявил: «Я видел документ о присоединении. На нем было только написано: «Принято, Маунтбэттен». Я не нашел там никаких условий». Кому же верить: премьер-министру Индии, когда он говорит о том, что фактически произошло и каково юридическое истолкование этого, или его собственному представителю здесь, пусть даже последний занимает высокое положение в правительстве? Условие содержалось в письме генерал-губернатора. Его следует читать вместе с документом о присоединении и как неотъемлемую часть последнего. Документ о присоединении — это официальный документ, заранее составленный и отпечатанный; в нем имеются в ряде мест лишь отдельные пропуски, которые следует заполнить; остальной текст состоит из готовых формулировок. Но, помимо этого документа, существовало письмо магараджи по данному поводу, а также письмо лорда Маунтбэттена, в котором и содержалось условие. Их нужно читать вместе. Как бы они ни истолковывались, эти два документа должны рассматриваться в неразрывной связи.

49. 8 ноября 1947 года в телеграмме премьер-министру Пакистана г-н Неру заявил следующее:

«Отсюда следует, что наши предложения, которые мы уже неоднократно излагали, таковы: 1) правительство Пакистана должно сделать все от него зависящее, чтобы заставить вторгшихся в Кашмир покинуть пределы княжества; 2) правительство Индии повторит свое заявление о том, что оно выведет свои войска с территории Кашмира после того, как оттуда уйдут вторгшиеся захватчики и будут восстановлены законность и порядок; 3) правительства Индии и Пакистана должны будут совместно обратиться в ООН с просьбой как можно скорее провести плебисцит в Кашмире».

50. 15 января 1948 года в своем первом обращении к Совету Безопасности покойный г-н Гопаласвами Айянгар заявил:

«Приняв присоединение, они (имеется в виду правительство Индии) отказались воспользоваться непосредственной опасностью, в ко-

торой находилось княжество, и уведомили правителя его, что вопрос о присоединении должен в конечном итоге быть урегулирован посредством плебисцита, как только будет восстановлен мир. В дальнейшем они совершенно точно указали, что они согласны, чтобы плебисцит в случае необходимости проводился под международным наблюдением» (227-е заседание, стр. 10)⁴.

51. Г-н Сетальвад, который, кажется, является сейчас министром юстиции правительства Индии, был членом делегации, представлявшей Индию, когда этот вопрос впервые рассматривался в Совете Безопасности. Он сказал:

«Но я возьму на себя смелость заявить, что мое правительство действовало в данном случае совершенно открыто. Только тогда, когда правитель Кашмира и народный лидер Кашмира (то есть шейх Абдулла) обратились к индийскому правительству за помощью во время описанного мною критического положения, индийское правительство заявило — и я считаю, что это заявление было правильным, — что оно не может вмешиваться в кашмирский вопрос до тех пор, пока это княжество не станет частью индийской территории, что могло произойти только в том случае, если бы Кашмир присоединился к Индийскому Союзу. Кашмир, приняв это условие и учитывая опасность, в которой он находился, предложил присоединиться к Индийскому Союзу — причем предложение исходило не только от правителя государства, но также и от народного лидера. Несмотря на то что просьба исходила от обоих этих лиц, индийское правительство проявило осторожность, оговорив (есть заверение, есть обязательство, есть условие, а теперь есть и оговорка), что оно согласное на присоединение только на том условии...» Это слова министра юстиции Индии; правда, он не был министром юстиции в то время, но и тогда он был деятелем, облеченным властью выражать мнение своего правительства, потому что он явился сюда с полномочиями выступать перед Советом Безопасности. Теперь он министр юстиции, весьма известный юрист. Я имею честь быть знакомым с ним в течение многих лет, и за те шесть лет, что я провел в кресле судьи в суде, который называется ныне Верховным судом Индии, мне не довелось слышать речи человека более способного, чем г-н Сетальвад. Он говорит, что индийское правительство проявило осторожность, несмотря на то что просьба поступила от обеих сторон, оговорив, что оно принимает присоединение только при условии...

«...чтобы позднее, когда будет восстановлен мир, были должным образом выявлены пожелания народа в этом вопросе. На этом условии, и только на этом условии, индийское правительство согласилось на присоединение» (234-е заседание, стр. 110).

⁴ Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год № 1—15, 226—240-е заседания.

Только на этом условии. А сегодня это не больше как «выражение пожелания», а, как это ни печально, многие и многие пожелания людей остаются неосуществленными».

52. Что касается того довода, что, дескать, власть магараджи согласно закону была ничем не ограниченной и что, когда он согласился присоединиться, а генерал-губернатор написал: «Принято», это означало конец всему делу и что все остальное — это не больше как выражение пожелания, причем неважно, осуществлено оно или нет, то заслуживает внимания заявление г-на Айянгара Совету Безопасности 8 марта 1948 года:

«Несомненно, что правитель как глава княжества должен играть определенную роль в решении вопроса о присоединении».

Разумеется, не все население княжества должно подписывать акт о присоединении; это должен сделать тот, кто действует от лица реальной власти.

«Когда между ним и его народом не возникает разногласий относительно выбора доминиона, к которому они хотят присоединиться, он подает заявление о присоединении к данному доминиону. Однако в тех случаях, когда они расходятся во мнениях, необходимо установить, какова воля народа. Когда это точно установлено, правитель должен считаться с решением народа. Такова наша позиция в данном вопросе» (264-е заседание, стр. 27)⁵. Этого до сих пор не случилось.

53. И здесь также совершенно ясно, что позиция правительства Индии такова: правитель, несомненно, подпишет акт о присоединении, причем в результате, несомненно, возникнет своего рода ситуация де-факто; но поскольку вопрос о присоединении оказался предметом спора, в котором правитель придерживается одной точки зрения, а народ — другой, следует вывить волю народа. Я попытаюсь пояснить сейчас это различие. Речь идет не просто о том, чтобы «выявить когда-нибудь потом волю народа и затем произвести некоторые изменения». Ведь сейчас утверждают, что все это дело уже завершено. Говорят: «О да, да, если бы народ выразил совершенно противоположное пожелание, то тогда были бы, пожалуй, пересмотрены положения конституции, и присоединение Кашмира можно было бы отменить» и так далее. Ничего подобного. Желание народа должно быть установлено. И когда оно «точно установлено, правитель должен считаться с решением народа». Вот и все. Если вопрос о присоединении не является спорным, то тогда решение правителя носит окончательный характер. Когда же вопрос этот является спорным, правитель по необходимости

принимает какое-то решение, но последнее не является окончательным. Оно ведет к определенным последствиям, создает положение де-факто, но для того, чтобы оно было юридически окончательным, имеющим законную силу и обязывающим, должна быть выявлена воля народа, и когда она точно установлена, «правитель должен считаться с решением народа». Эти слова записаны в отчетах Совета Безопасности.

54. Любопытно, что на применении этих принципов Индия настаивала в совершенно противоположных обстоятельствах. Такие противоположные обстоятельства возникли в княжестве Джунгарх, где правитель тоже принадлежал к иной религиозной общине, чем большинство народа. Правитель присоединился к Пакистану, причем в этом случае не возникло никакого спора, и народ не выражал никакого пожелания относительно того, к какому из двух доминионов правителю следовало бы присоединиться. Присоединение состоялось. Затем возник спор: когда народ узнал о присоединении, довольно значительному числу жителей это не понравилось. Возникли разногласия, и решение о присоединении было поставлено под вопрос. Какую же позицию заняло правительство Индии? Генерал-губернатор Индии в телеграмме от 22 сентября 1947 года на имя генерал-губернатора Пакистана заявил следующее:

«Пакистанское правительство приняло одностороннее решение, с которым, как было совершенно ясно заявлено, правительство Индии никогда не могло и не может согласиться».

Прежде всего прошу вас обратить внимание на подразумеваемое суждение о том, что в данном случае действие не должно было носить односторонний характер, причем односторонний не в том смысле, что Пакистан-де заявил, что такое-то и такое-то княжество присоединяется к нему без соответствующего согласия на то правителя (ведь правитель сам предложил присоединиться, и присоединение было принято; все произошло так же, как и в случае с Кашмиром, хотя это произошло намного раньше), а односторонний в том смысле, что один доминион не мог действовать односторонне без согласия на то другого.

«Такое принятие присоединения Пакистаном может рассматриваться правительством Индии как посягательство на суверенитет и территориальную целостность Индии...»

В случае же с Кашмиром присоединение, предложенное магараджей Кашмира, власть которого не признавалась на территории почти всего княжества, причем это присоединение было принято условно, делает Кашмир территорией Индии. В противоположном случае, когда Пакистан принял присоединение, предложенное правителем княжества, территория опять-таки принадлежит Индии. Если вы выигрываете, вы выигрываете; если вы проигрываете, то тоже выигрываете.—

⁵ Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, № 36—51, 261—276-е заседания.

«...и несовместимо с теми дружественными отношениями, которые должны существовать между двумя доминионами. Подобный акт со стороны Пакистана рассматривается правительством Индии как явная попытка нарушить целостность Индии путем расширения влияния и территориальных владений пакистанского доминиона, как грубое нарушение принципов, на основе которых было согласовано и проведено в жизнь разделение».

«Грубое нарушение принципов, на основе которых было согласовано и проведено в жизнь разделение». Каковы же были эти принципы? Сопредельные районы, где большинство населения принадлежит к одной религиозной общине, должны представлять собой Пакистан, а сопредельные районы с большинством населения, принадлежащим к другой религиозной общине, должны представлять собой Индию. Исходя только из этого критерия, выдвинутого самим правительством Индии, Кашмир представляет собой в большинстве своем мусульманскую общину, сопредельную с Пакистаном, то есть мусульманский район. Дело это до того ясное, что не требует дальнейших пояснений, даже в отношении того, чья затрагивается суверенитет и чья территория. Я продолжаю цитировать:

«Возможность присоединения Джунагарха к пакистанскому доминиону наперекор воле индийского населения княжества, которое составляет более 80 процентов, серьезно обеспокоило и встревожило местное население и все окружающие княжества, присоединившиеся к индийскому доминиону».

Любопытно, что даже соотношение населения в обоих случаях почти одинаково. В Джунагархе преобладает индийское население, которое составляет около 80 процентов, а в княжестве Джамму и Кашмир мусульманское население достигает 79 процентов.

«Военные приготовления большого масштаба в Джунагархе и снабжение оружием и боеприпасами мусульманских подданных с явным намерением терроризировать население этого княжества, а также окружающих княжеств значительно увеличили тревогу, и правительство Индии получило призывы о помощи как от народа этого княжества, так и от соседних княжеств. Поэтому правительство Индии в качестве вполне естественной контрмеры направило небольшой отряд войск в свои собственные владения, тем более что в большинстве примкнувших к нам княжеств в этих местах не имеется собственной армии».

После чего эти войска вошли туда, завладели княжеством, и Индия владеет им до сих пор.

55. Какую же позицию занял Совет Безопасности в связи со спором о Кашмире, когда этот вопрос был внесен на его рассмотрение? Это важно вот с какой точки зрения. Речь шла не о какой-нибудь давней истории, от которой мож-

но отмахнуться. Спор носил острый характер, шли кровопролитные бои. Необходимо было приостановить боевые действия, решить вопрос о присоединении княжества и восстановить законность и общественный порядок. Таков был первый шаг, который надлежало сделать. Я позволю себе процитировать членам Совета Безопасности несколько отрывков из того, что говорилось тогда по этому поводу.

56. Когда кашмирский вопрос был принят 15 января 1948 года на рассмотрение Совета Безопасности, Председателем Совета был г-н Лангенхове, представитель Бельгии. 22 января 1948 года он сказал:

«...Обе стороны в принципе согласились, что судьба княжества Джамму и Кашмир будет решена путем плебисцита. В сообщении правительства Индии от 1 января на имя Председателя Совета говорится, что в конечном итоге население будет иметь возможность решить свою судьбу путем общепризнанного демократического метода плебисцита или референдума, которые могут быть проведены под международным руководством с целью обеспечения полной беспристрастности. Это заявление было подтверждено 15 января выступлением представителя Индии в Совете (227-е заседание). Тот же принцип указывается и в письме представителя Пакистана от 15 января на имя Генерального Секретаря.

Таковы те основы, на которых Совету Безопасности предстоит выполнять задачу, возлагаемую на него Уставом, в отношении находящегося на его рассмотрении вопроса» (231-е заседание, стр. 83).

57. Индия, со своей стороны, пыталась склонить Совет Безопасности к тому, чтобы он принял действия по изгнанию вторгшихся элементов и подавлению восстания, а затем предоставил все остальное Индии. Подобную точку зрения, как будет показано дальше, Совет Безопасности полностью отверг.

58. 24 января 1948 года г-н Уоррен Остин заявил в Совете:

«Мне кажется, что, решая вопрос, может ли существующее положение вызвать спор или привести к войне, если оно продолжится, мы имеем возможность сделать еще шаг вперед в правильном направлении, а именно продолжать собираться под руководством Председателя Совета Безопасности на совещания, носящие совершенно дружеский и неофициальный характер. Соединенные Штаты Америки полагают, что эти совещания должны и впредь вестись в том же духе, который одушевляет здесь делегации Индии и Пакистана, и что на этих совещаниях не следует предъявлять какие-либо обвинения, контробвинения, притязания и т. д., подлежащие занесению в протокол...

...Мне кажется, что мы должны посоветовать обеим сторонам — и они как раз просят нас о том, явившись сюда — заняться разрешением кашмирского вопроса, не предпринимая другого вопроса (дело в том, что другой вопрос также был поднят в документах, представленных Пакистаном); довести до конца продолжающиеся сейчас переговоры; а что касается средств и способов для создания условий, благоприятных для проведения правильного плебисцита, то посоветовать сторонам прийти к соглашению относительно создания временного правительства, от которого, по общему признанию, не пахло бы порохом, которое было бы настолько беспристрастным и совершенным, насколько это осуществимо для двух таких великих стран, как Индия и Пакистан, и к которому, ввиду его справедливости, весь остальной мир относился бы с доверием» (235-е заседание, стр. 134).

59. Г-н Ноэль-Бейкер, получивший впоследствии нобелевскую премию мира, а в то время занимавший пост министра по делам Британского Содружества наций, представлял Соединенное Королевство во время обсуждения кашмирского вопроса; на том же заседании в Совете Безопасности он сказал:

«Выслушав обе стороны и относясь к ним обеим с одинаковым пониманием, одинаковым дружелюбием и — если они позволяют мне так выразиться — с одинаковой любовью, я желал бы в качестве члена Совета Безопасности, несущего вместе с другими коллективную ответственность перед всем человечеством, поставить вопрос: что следует Совету Безопасности предпринять сейчас? Я надеюсь, что мы сосредоточим наше внимание на конструктивной стороне того, что было сказано нашими коллегами из Индии и Пакистана...

...Представитель Пакистана на прошлой неделе и затем сегодня, равно как и представитель Индии при открытии прений по этому вопросу и опять вчера, изложили нам, каждый со своей точки зрения, как в течение последних двух лет происходили беспорядки, возникавшие на почве вражды между сторонниками различных религий. Я не намерен обсуждать те трагические обстоятельства, на которые они обратили наше внимание. Мне лично вся причинная связь в этом деле представляется еще окутанной покровом тайны. Без сомнения, причины этих беспорядков следует искать в историческом прошлом, и я надеюсь, что они скоро снова исчезнут, унесенные потоком истории. Каждый заинтересован в том, чтобы забыть прошедшее и сосредоточиться на будущем...

Обе стороны заявили нам, что они стремятся к миру и справедливости. Обе стороны высказались за то, чтобы желание кашмирского народа было исполнено. Представитель Индии заявил об этом вчера, а представитель Паки-

стана — сегодня. Наша задача состоит в том, чтобы сформулировать план, при посредстве которого это можно было бы осуществить. Я предлагаю поторопиться с этой работой» (там же, стр. 131 и 133).

60. Г-н де ля Турнель, представитель Франции, заявил на том же заседании:

«Мне кажется, что первой заботой этой комиссии должно быть проведение плебисцита в кратчайшее время. В этом случае мне кажется, что самая быстрая процедура заключается в продолжении под руководством Председателя переговоров между обеими сторонами с целью определения условий плебисцита.

С моей точки зрения, таких условий три:

1. Вывод иностранных войск с территории княжества Кашмир.

2. Возвращение в княжество беженцев, независимо от их расового происхождения, будь то индусы или мусульмане, и поселение их вновь в тех местах, откуда они родом.

3. Установление независимой администрации, которая не оказывала бы давления на население и могла бы абсолютно гарантировать свободу выборов» (там же, стр. 135).

61. 28 января 1948 года г-н Ноэль-Бейкер заявил в Совете:

«Поводом к происходящему здесь спору, поводом к сражениям в Кашмире служит вопрос: к которому из двух правительств — индийскому или пакистанскому — присоединится Кашмир? Как я себе это представляю, самым лучшим средством для прекращения войны было бы уверить ее участников в том, что будет достигнуто справедливое соглашение, которое обеспечит их права. Другими словами, как я уже отмечал это представителю Индии при нашем первом разговоре после его прибытия, по моему глубокому убеждению, правильный путь прекратить войну — это добиться быстрого решения в Совете Безопасности. Все это, начиная с подготовительных мер по прекращению войны и кончая проведением плебисцита, составляет одну нераздельную проблему. Только когда сражающиеся узнают, что их ожидает в будущем, они согласятся прекратить войну» (236-е заседание, стр. 145).

62. Г-н Уоррен Остин, выступая в Совете Безопасности 4 февраля 1948 года, заявил:

«Во-первых, я хотел бы отметить, что Совет Безопасности согласно Уставу не должен пытаться — и в настоящий момент он и не пытается — выносить решение в пользу или против одной из спорящих сторон, противников в споре, или сторон в конфликте или в разногласии...

...Раз Совет Безопасности имеет дело с этой проблемой, он должен, по-моему, рассматривать ее как нечто целое, так как если он этого не сделает, то прекращение военных действий окажется невозможным. Как можно заставить горцев уйти из княжества Джамму и Кашмир без войны и без применения силы? Это единственный способ заставить их уйти, если только горцы не будут вполне уверены, что временное правительство — которое не только по видимости, но и на деле будет беспристрастным — организует справедливый плебисцит. Только таким способом можно надеяться на удаление этих горцев мирным путем.

Мы прекрасно знаем, что, кроме этого, остается только применение силы, а эта сила не обязательно даст желательные результаты, особенно когда она подойдет к границе. Переход через границу горных племен не означает, что окончились военные действия. Напротив, мне кажется, логика указывает на то, что военные действия по-настоящему тогда только и начнутся, если будет сделана попытка достигнуть частичного решения этого вопроса путем увода войск из Кашмира только в силу нашего требования и не объяснив им, что мы рассмотрим все стороны этого вопроса и что в план входит не только вывод войск, но также и проведение плебисцита, при помощи которого население определит свой собственный выбор в главном вопросе, так как будут гарантированы беспристрастность и справедливость этого плебисцита. Невозможно себе представить какое-либо другое мирное средство, чтобы добиться увода этих вооруженных сил из Джамму и Кашмира.

Я хочу, чтобы для всех было ясно следующее: Совет Безопасности беспристрастен; он ничего не предпринимает заранее, он не допускает дискриминации в отношении той или иной стороны или их требований; он не отклоняет требований ни одной из сторон» (240-е заседание, стр. 189 и 190).

63. Я намерен осветить — я рассчитываю это сделать, когда перейду к завершению этого моего выступления в Совете Безопасности, — один аспект, который был подчеркнут здесь покойным г-ном Уорреном Остином: никто не должен обманывать себя тем, что этот вопрос будет урегулирован, если его положить под сукно. Если Совет Безопасности не хочет, чтобы те элементы в княжестве, которые начали борьбу за освобождение, вновь возобновили ее; если Совет Безопасности не хочет, чтобы племена горцев вышли из повиновения и опять вторглись в Кашмир; если Совет Безопасности не хочет, чтобы народ Пакистана вышел из повиновения и — позвольте мне употребить эту метафору, — закусив удила, сбросил с себя всю систему законного правления; если, наконец, Совет Безопасности не хочет, чтобы в возникший водоворот были втянуты сильные соседние государства, то ему следовало бы учесть реальную обстановку.

64. Что же можно сделать? Проблема состоит в следующем. Как я уже имел честь упомянуть, когда я последний раз выступал в Совете Безопасности (990-е заседание), прошло очень много времени. Да, целых 15 лет! Но каждый, кто приезжает в Кашмир по ту или другую сторону границы, на территорию, оккупированную Индией, или в Азад-Кашмир, и пытается установить контакт с населением, когда поблизости нет представителей властей, возвращается с убеждением, что в настоящее время вопрос остается таким же острым, каким он был осенью 1947 года, весной 1948 года и даже на протяжении всего 1948 года — вплоть до прекращения огня 1 января 1949 года. Однако, если конфликт вспыхнет с новой силой, он выйдет за пределы, которыми он ограничивался в те дни, оставаясь чисто местным конфликтом в княжестве Джамму и Кашмир.

65. Я хочу заверить Совет, что эти слова никоим образом не представляют собой какой-либо угрозы. Пакистан от всего сердца желает, чтобы события не приняли такой оборот. Однако Пакистан убежден, что, если этот вопрос не будет продвигаться в направлении к урегулированию в сравнительно короткие сроки, именно это и случится.

66. Г-н Арсе, представитель Аргентины, также выступивший 4 февраля 1948 года в Совете Безопасности, заявил:

«Теперь, когда спорные вопросы Индии и Пакистана представлены на рассмотрение Совета Безопасности, делегация Аргентины не сможет голосовать ни за один проект резолюции, которым не предлагалось бы решить всю проблему при помощи плебисцита, свободно подготовленного, свободно проведенного и свободно проверенного под руководством Совета Безопасности...

Имели место споры по-моему мнению напрасные, о том, следует ли в одно и то же время потребовать и прекращения военных действий, и проведения плебисцита или сначала нужно требовать одного и потом уже другого. Для того чтобы решить какую-либо проблему, а особенно проблему такого рода, необходимо выяснить вызвавшие ее причины. Полезно вспомнить латинскую поговорку: *sublata causa, tollitur effectus*, или, другими словами, устраните причину, и исчезнет следствие. В данном случае причина всех беспорядков, создаваемых Индией или Пакистаном или горными племенами, кроется в восстании кашмирского народа против самодержавного владыки, управляющего им, как если бы он управлял фермой, а четырехмиллионное население представляло бы собой то же число голов скота, а не людей (в этом-то и крылась причина всех этих беспорядков). Поэтому, если в соответствии с уже цитированными положениями Устава мы гарантируем этим людям, что они смогут сами решать свою судьбу свободно и без всякого давления с ка-

кой-либо стороны, то я уверен, что они сложат оружие; я уверен, что племена уйдут на собственные территории, и я уверен, что Индия и Пакистан, взяв на себя обязательство подчиниться решению Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Организации, членами которой они являются, сумеют договориться и поддерживать самые дружественные взаимоотношения, этим самым доказывая, что они в действительности являются „миролюбивыми государствами”» (240-е заседание, стр. 188 и 189).

67. Теперь я процитирую выдержки из заявления г-на де ля Турнеля, которое он сделал 5 февраля 1948 года:

«При составлении доклада Комиссии по расследованию греческих пограничных инцидентов, а также при обсуждении этого доклада в Совете Безопасности французская делегация утверждала, что установление ответственности за беспорядки на Балканах не имеет большого значения и что единственная задача Комиссии состоит в том, чтобы разработать план умиротворения, который обеспечил бы в этой части Европы мирное будущее. Мне кажется, что той же мудрой позиции следует придерживаться и при рассмотрении кашмирского вопроса и что Совет Безопасности должен приложить все усилия к тому, чтобы предложить сторонам на их утверждение надлежащее решение, которое положило бы конец существующему между ними спору...

Французская делегация считает, что организация свободного плебисцита в княжестве Джамму и Кашмир является наиболее действительным и, быть может, даже единственным средством для прекращения вооруженных столкновений на территории княжества, ибо таким образом население приобретает уверенность в том, что оно сможет свободно решить свою дальнейшую судьбу. Отсюда следует, что все наше внимание должно быть обращено на организацию плебисцита» (241-е заседание, стр. 2) ⁶.

68. Покойный г-н Фарис эль-Хури, представивший Сирию, заявил 5 февраля на том же заседании Совета Безопасности следующее:

«Совершенно ясно, как я уже говорил, что рекомендации относительно прекращения вооруженных столкновений не дадут никаких результатов, поскольку они не будут сопровождаться существенными гарантиями, которые удовлетворяют обе стороны и благодаря которым у сторон создается определенная уверенность в том, что рекомендованная Советом Безопасности процедура позволит выполнить и санкционировать их требования» (там же, стр. 9).

⁶ Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, № 16—35, 241—260-е заседания.

69. Я уже привел достаточно цитат, хотя можно было бы цитировать эти заявления еще и еще. Я прошу извинения у Совета Безопасности и у моих ученых коллег, представителей Индии, за то, что я, так сказать, углубился в историю. Я сделал это для того, чтобы подчеркнуть одну из сторон вопроса. По-видимому, существует точка зрения, которой придерживается не одна только Индия, и пусть меня простят, если я осмелюсь сказать, что я видел намеки на такую позицию и среди членов Совета Безопасности, сидящих за этим столом. Сводится она к следующему: «Ведь прошло уже 15 лет и, в конце концов, военные действия прекратились. Так почему же не согласиться со сложившимся на сегодняшний день положением?»

70. Я вновь должен просить извинения у Совета и представителей Индии за следующий вопрос: не согласитесь ли вы со мной, что в свете деклараций, которые я прочел, такая точка зрения равносильна обману народа Кашмира? Ведь один член Совета Безопасности за другим, занимавшие самое высокое положение на международной арене, выступая от одиннадцати государств, представлявших все человечество, давали торжественные заверения этому народу, который, подобно своим предкам, страдал от тирании самого жестокого типа, так что — как я, кажется, уже говорил ранее — кашмирцу было трудно решить, что является худшим злом — жить или умереть. Восстав против этих невыносимых условий, чтобы освободиться из-под ярма, прибегнув к оружию, пойдя на все жертвы, кашмирцы поставили этот вопрос здесь, перед Советом Безопасности. Здесь им давалось одно торжественное заверение за другим. Их заверяли: «Решение в ваших руках». Поверив в эти заверения, они прекратили борьбу. Я спрашиваю вновь: не согласитесь ли вы со мной, что было бы сущим обманом говорить этим людям, что ныне те заверения не имеют ровным счетом никакого значения ввиду представленных толкований, оправданий и юридических документов? Я еще вернусь к этим толкованиям, подробно разберу их и попытаюсь дать ответ на все известные мне версии такого рода. Надеюсь, я смогу убедить Совет Безопасности в том, что все они не имеют под собой никакого основания.

71. Но предположим, что мне не удастся сделать это или предположим, что я смогу убедить Совет Безопасности или большинство Совета Безопасности, но не смогу убедить Индию, как, вероятно, это и случится. В чем же будет состоять в этих обстоятельствах обязанность Совета Безопасности? Нужно, чтобы он изучил все факты, поинтересовался, имеют ли они под собой почву, рассмотрел, являются ли они действительно причиной, стоящей на пути к урегулированию, и если да, то определил бы, чья в этом вина. Я твердо заявляю (и я вновь повторяю это позднее, когда закончу рассмотрение этих вопросов), я заявляю с полной ответственностью, что в случае, если Советом Безопасности будет сделано справедливое и беспри-

растное заключение — неважно, какую форму оно примет, будет ли это заключение Совета Безопасности, либо заключение или определение того или иного признанного международно-авторитета, либо заключение арбитража, либо заключение в силу решения суда, — заключение о том, что Пакистан нарушает взятые им обязательства по какому-либо вопросу, то я уполномочен моим правительством заявить, что самым быстрым образом и в кратчайшие сроки Пакистан выполнит свои обязательства, так что этот вопрос будет решен в соответствии с пожеланиями народа. Я рассмотрю чуть позднее эти вопросы один за другим, во всяком случае принципиальные вопросы, причем если будут подняты и другие, я рассмотрю также и их, и я смогу показать, как я уже говорил, какова в действительности обстановка.

72. Однако в таком вопросе нельзя занимать позицию людей, умывающих руки; достаточно посмотреть на географическое положение этого места, чтобы понять, какова опасность, которая угрожает не только этому району, но и каждому из присутствующих здесь. Нельзя просто прекратить обсуждение этого вопроса, словно его вовсе и не существует, а затем сказать обеим сторонам: «Лучше удовлетворитесь тем, что есть». Как я уже говорил, я перейду к этому позднее; теперь же я продолжу свой экскурс в историю.

73. Совет Безопасности, заняв эту позицию, принял в конце концов на своем 286-м заседании 21 апреля 1948 года резолюцию⁷. Я говорю «в конце концов», потому что сначала был представлен другой текст, составленный в соответствии с принципами, сформулированными членами, представителями различных стран в Совете Безопасности. После того как шесть стран, выдвинувших эту резолюцию, выступили в ее поддержку, индийская делегация сообщила Совету Безопасности, что ее отзывают на родину для консультации и что после проведения этих консультаций она возвратится и продолжит участие в обсуждении Совета. Поэтому на некоторое время обсуждения были прерваны. Следовательно, ни к чему возвращаться к упомянутому проекту резолюции. Так или иначе, этот проект резолюции был составлен с учетом всех условий, которые содержались в заявлениях членов Совета. Впоследствии был представлен и принят значительно более смягченный и расплывчатый текст. Это и был текст резолюции, которая в настоящее время является предметом выполнения.

74. В соответствии с этим 21 апреля 1948 года Совет Безопасности принял решение создать Комиссию в составе пяти членов. Два члена должны были быть назначены заинтересованными государствами, один — Пакистаном и один — Индией; два должны были быть назначены Сове-

том Безопасности и один должен был быть назначен двумя членами, назначенными Советом Безопасности. Итак, в конечном счете была создана Комиссия. Индия назначила Чехословакию, Пакистан назначил Аргентину, Совет Безопасности назначил Колумбию и Бельгию, а Колумбия и Бельгия совместно назначили Соединенные Штаты. Вот как была составлена Комиссия.

75. Затем этот вопрос был передан Комиссии, которая вначале направилась в Женеву для принятия предварительных мер и изучения всего этого довольно сложного вопроса, резолюций и отчетов обсуждений в Совете Безопасности и всех других относящихся к делу проблем. Наконец 7 июля 1948 года Комиссия прибыла в Карачи. Помнится, 8 июля члены Комиссии имели беседу с премьер-министром Пакистана; во время первого их визита ко мне я объяснил им, какие изменения произошли в обстановке. Поскольку Совет Безопасности не одобрил и не поддержал стремление правительства Индии достичь решения военным путем, а не в соответствии с принятой здесь резолюцией, правительство Индии, после того как 21 апреля 1948 года рассмотрение вопроса в Совете Безопасности было отложено, произвело военные приготовления, которые были настолько широкими, что в докладе пакистанского главнокомандующего генерала Грасея указывалось, что вот-вот начнется наступление индийской армии, которое поставит под угрозу систему ирригации и саму безопасность Пакистана. Я не буду утомлять Совет подробностями, ведь все это было так давно, но посылка пакистанских регулярных войск для удержания позиций была абсолютно необходима. Они были посланы в самом начале мая 1948 года.

76. Как только Комиссия прибыла в Карачи, она была поставлена в известность о создавшемся положении. Члены Комиссии описали это положение вещей и признали, что оно представляет собой серьезное изменение, новый элемент в обстановке по сравнению с ситуацией, которая рассматривалась Советом Безопасности. Рассмотрев вопрос о том, должны ли они просить у Совета Безопасности новых инструкций или попытаться самим разобраться в возникшей ситуации, члены Комиссии решили действовать самостоятельно. Они ездили туда и обратно между Дели и Карачи и разработали проект резолюции, который впоследствии стал известен как резолюция от 13 августа 1948 года⁸. Правительство Индии уведомило о своем принятии этой резолюции, правда, с некоторыми разъяснениями и оговорками. Однако правительство Пакистана не смогло принять ее, потому что она не давала ничего нового в отношении плебисцита. Она не содержала никаких положений об условиях проведения плебисцита и относилась только к демилитаризации.

⁷ Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, Дополнение за апрель 1948 года, документ S/726.

⁸ Официальные отчеты Совета Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, документ S/1100, пункт 75.

77. Комиссия продолжала свою деятельность и в конце концов приняла вторую резолюцию, которая официально датирована 5 января 1949 года⁹, хотя была передана правительствам уже в конце декабря 1948 года. Совет Безопасности тогда заседал в Париже, поскольку в то время там проходила третья сессия Генеральной Ассамблеи; Комиссии было удобно проводить свои обсуждения с представителями этих двух правительств в Париже, вместо того чтобы переезжать каждый раз из одной столицы в другую. К концу декабря оба правительства известили о своем принятии как резолюции от 13 августа 1948 года, так и резолюции от 5 января 1949 года, и вследствие принятия этих двух резолюций, касающихся демилитаризации, а также проведения плебисцита, 1 января 1949 года стало возможным осуществить прекращение огня.

78. Позднее, в марте 1949 года, Комиссия прибыла в Дели и начала проводить заседания с целью обеспечения выполнения этих резолюций. Первая задача заключалась в демилитаризации княжества. Но хотя Индия неоднократно делала в Совете Безопасности публичные заявления, что она будет готова отвести свои вооруженные силы и сотрудничать в проведении плебисцита под международным наблюдением, она подняла целый ряд вопросов. Опять-таки я никого не обвиняю; Советом Безопасности учитывались различные факторы, например вопрос о присоединении, вопрос о суверенитете, вопрос о так называемых агрессивных действиях Пакистана, фактическое положение в княжестве и тому подобное, но эти две резолюции были приняты обеими сторонами и обязательны для обеих сторон. Когда Комиссия прибыла в Дели и провела в марте заседание, она призвала представителей обоих правительств урегулировать вопрос о демилитаризации, то есть вывести целиком вооруженные силы Пакистана из района Азад-Кашмира или от линии прекращения огня в районе Азад-Кашмира, а также — в соответствии с резолюцией — вывести индийские войска с территории, оккупированной Индией.

79. Каждую сторону просили представить план, поскольку, как я докажу вам, когда перейду к изложению реакции Индии, непременным условием любого отвода войск должен быть прежде всего план осуществления перемирия, по которому будет проводиться этот отвод. Пакистан представил свой план, Индия потратила несколько больше времени для его представления, однако, когда она в конце концов представила Комиссии план отвода основной части своих войск, она поставила условие, чтобы Комиссия не оглашала этого плана даже Совету Безопасности, не говоря уже о Пакистане. Естественно, что любое соглашение с Пакистаном в соответствии с положениями резолюции должно быть доведено до сведения общественности, но мы до настоящего времени не знаем, в чем за-

ключается индийский план. При этом Комиссия в своем третьем докладе¹⁰ отмечала, что, по ее мнению, хотя она не уполномочена раскрыть, что представляет собой план, представленный Индией, он не отвечает ни с качественной, ни с количественной стороны требованиям резолюции. Последовал длительный период переговоров, которые вела Комиссия, а затем Комиссия была заменена представителем Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана сэром Оуэном Диксоном, а впоследствии — г-ном Грэмом. Все эти усилия были направлены на выработку соглашения о плане отвода войск с обеих сторон. В то время — я хотел бы отметить это здесь и теперь, хотя я должен буду снова коснуться этого позднее — ни разу не высказывалось сомнение в том, что основное предварительное условие резолюции выполнено, и поэтому не ставилась под вопрос необходимость отвода войск с обеих сторон. Основным предварительным условием было прекращение огня; кроме того, даже горцы отошли, как только прекратились военные действия. Зачем им было оставаться в этом районе? Они возвратились по домам; таким образом, те, кто пришел из Пакистана, кроме регулярных войск, уже покинули пределы княжества. Единственным оставшимся вопросом был отвод регулярных войск. Представлялся план за планом. Я должен сказать, что в общем Пакистан был готов идти вперед, а Индия не проявляла такой готовности. Я повторяю, Индия не основывала своего отказа на аргументе, что, дескать, Пакистан не выполнил условий, которые он должен был выполнить до отвода войск. Единственное, что было для нее неприемлемым — это планы отвода войск.

80. Тем временем были испытаны некоторые другие способы решения проблемы. Я опять-таки не буду утомлять Совет и вдаваться в подробности. Сэр Оуэн Диксон после подведения итогов обнаружил, что премьер-министр Джавахарлал Неру не желает принять ни одно из условий, которые одни только и гарантировали бы свободу проведения плебисцита. Сэру Оуэну Диксону пришлось тогда попытаться выполнить альтернативное указание Совета Безопасности, то есть изучить возможность какого-либо другого способа решения спора. Он заявил, что Индия постоянно создавала препятствия в этом деле; вот тут-то впервые по настоянию премьер-министра Индии были предприняты серьезные попытки добиться того, чтобы Пакистан был объявлен агрессором.

81. Сэр Оуэн Диксон отмечает в своем докладе¹¹, что у него не было полномочий брать на себя инициативу в этом деле; что Совет Безопасности, хотя к нему неоднократно обращались с соответствующей просьбой, отказался

¹⁰ *Официальные отчеты Совета Безопасности, четвертый год, Специальное дополнение № 7.*

¹¹ *Официальные отчеты Совета Безопасности, пятый год, Дополнение за сентябрь — декабрь 1950 года, документ S/1791.*

⁹ *Там же, четвертый год, Дополнение за январь 1949 года, документ S/1196, пункт 15.*

заниматься этим вопросом. Совет сосредоточил свое внимание на урегулировании спора, а не на юридическом вопросе признания наличия агрессии или отсутствия таковой. Однако сэр Оуэн Диксон готов был в целях скорейшего разрешения вопроса допустить, что вторжение горцев в княжество и ввод вооруженных сил Пакистана в мае 1948 года не соответствовали принципам международного права или даже противоречили им. Это было гипотетическое предположение, которое он был готов сделать для того, чтобы сдвинуть вопрос с мертвой точки. Впоследствии эта гипотеза была истолкована как сделанный Советом Безопасности вывод о том, что Пакистан совершил агрессию. Мы еще вернемся к этому позднее.

82. Однако в то время задача состояла в том, чтобы устранить все препятствия и трудности, стоявшие на пути к достижению соглашения по плану отвода. По сути дела вплоть до самого конца попытки г-на Грэма, представителя Организации Объединенных Наций, или вернее, до последней предпринятой им попытки, в этом заключался основной вопрос. Были сформулированы и приняты обеими сторонами определенные общие принципы. Однако по предложениям, относившимся к конкретной стороне вопроса, не могло быть достигнуто соглашения. Я остановился на одном-двух вопросах.

83. Теперь уже, как я надеюсь, совершенно ясно, что в отношении основных армий обеих сторон в Кашмире резолюция предусматривала, что, когда будет согласован план — и я покажу в дальнейшем, что именно в этом суть соглашения, — Пакистан должен будет начать отвод своих регулярных войск из Азад-Кашмира, а когда пройдет определенное количество дней, после того как будет начат этот отвод, Индия также начнет отвод своих основных сил. Затем этот процесс должен был продолжаться обеими сторонами синхронно, так чтобы не дать никому преимуществ и не вызывать каких-либо опасений у той или иной стороны, до тех пор пока не будут выведены целиком вооруженные силы Пакистана и основная масса индийских войск.

84. Итак, вопрос, который постоянно порождал большие трудности, состоит в следующем: что представляет собой «основная масса»? «Основная масса» — это, быть может, и не совсем точный термин, однако он не может обозначать ничего другого, кроме как «основная часть». Один раз, устав от всего этого спора по поводу того, что представляет собой и что не представляет собой основную массу, я решил сделать от имени правительства моей страны смелый шаг и у этого стола выдвинул такое предложение: «Этот спор, — сказал я, — слишком затянулся. Что составляет основную массу? Основная масса означает основную часть. Что индийское правительство считает основной частью, нам неизвестно. Комиссия утверждает, что индийское правительство считает основной частью, ко-

торую оно готово отвести, количество войск, не отвечающее ни количественно, ни качественно положениям резолюции. Трудность заключается именно в этом. Как ее преодолеть? Индийское правительство заявляет: «Мы готовы отвести «х», потому что это составляет основную массу, и мы оставим только «у», потому что это меньшая часть». Я говорю в ответ: «Хорошо. Пусть индийцы отведут «у» и оставят «х»; оставьте основную массу и отведите остальную часть, и мы примем это за отвод основной массы». Это предложение не было принято.

85. Позднее был случай, когда г-жа Пандит, представитель Индии (являющаяся моим весьма уважаемым другом, к которой я всегда питал чувство глубокой симпатии), выдвинула здесь предложение, которое являлось, на мой взгляд, конструктивным, причем оно затрагивало также и более поздний этап отвода войск, то есть этап, относящийся к роспуску и разоружению войск Азад-Кашмира. Эти войска нельзя отвести: они принадлежат народу этой страны, они должны поэтому остаться там. Что касается этих войск, то резолюция Комиссии от 5 января 1949 года предусматривала, что, когда полномочия перейдут к администратору по проведению плебисцита, он сможет принять в отношении оставшихся войск такие меры, которые он считает необходимыми для обеспечения безопасности княжества и свободы проведения плебисцита. На индийской стороне оставшиеся войска будут представлять собой совокупность индийских войск, оставшуюся после отвода основной массы, и войска княжества, а на стороне Азад-Кашмира останутся войска Азад-Кашмира. Пакистанские войска должны будут уйти, причем тогда администратор сможет принять эту меру как необходимую. Однако позиция Индии заключалась в том, что роспуск войск должен быть проведен как часть единого процесса, за один этап. Это предложение было хорошо встречено, и мне показалось, что г-жа Пандит предложила решение, которое давало некоторую основу для соглашения, охватывающего как регулярные войска обеих сторон, так и войска Азад-Кашмира.

86. Я вновь заявил: «Я делаю следующее предложение: от имени моего правительства я принимаю внесенные г-жой Пандит предложения во всем, что касается регулярных войск, отвода всех пакистанских войск и основной массы индийских войск, которые теперь определены. Что касается роспуска сил Азад-Кашмира и вывода остальных войск с индийской стороны, то пусть администратор по проведению плебисцита Организации Объединенных Наций займется этим вопросом, после того как он примет на себя полномочия. Это его область, а не наша».

87. На следующий же день в газетах появились комментарии премьер-министра Неру, заявившего, что мое предложение фантастично. С тех пор этот вопрос не продвинулся ни на шаг.

88. В своем последнем докладе, сделанном 28 марта 1958 года¹², г-н Грэм, сделав вывод, что никакой прогресс на пути достижения соглашения невозможен, предложил, чтобы два премьер-министра встретились при его содействии для рассмотрения некоторых вопросов. Это предложение было принято Пакистаном, но отклонено Индией. И так, и эта встреча не могла состояться. Так обстояли дела в конце марта 1958 года, то есть четыре с лишним года тому назад.

89. Тем временем, когда в Пакистане пришел к власти нынешний режим, президент Пакистана, весьма заинтересованный в том, чтобы имеющиеся между Индией и Пакистаном споры были быстро урегулированы, предложил провести встречу с премьер-министром Индии. Вылетая из Карачи в Дакку, столицу Восточного Пакистана, он воспользовался этим случаем, чтобы заранее выяснить, окажет ли ему премьер-министр Индии честь, встретив его в аэропорту, — тогда он остановился бы в индийском аэропорту; затем он пригласил премьер-министра Индии приехать позднее, в сентябре 1960 года, в Карачи. Премьер-министр Индии приехал в Карачи, они вели там переговоры и опять не смогли достичь урегулирования, равно как и не смогли достичь никакого соглашения, которое бы продвинуло вперед вопрос об урегулировании. Перед отъездом из Пакистана премьер-министр Индии пригласил президента посетить его в Дели, где они могли бы продолжить свои переговоры. Президент заявил, что он был бы весьма счастлив поехать в Дели в любое время, при условии что в ходе следующей встречи премьер-министр Индии не станет разъяснять ему, почему нельзя достичь прогресса, а наоборот, сосредоточит свое внимание на достижении прогресса; другими словами, при условии, что премьер-министр Индии будет готов либо рассмотреть весь вопрос с целью достижения урегулирования, либо по крайней мере продвинуть вопрос вперед в направлении к урегулированию.

90. Таким оставалось положение вещей к моменту отправки моего письма на имя Председателя Совета Безопасности в январе текущего года с просьбой о созыве еще одного заседания. Затем вновь возник вопрос о переговорах между сторонами.

91. Однако это положение все еще остается без изменений. С одной стороны, поступили предложения: «Давайте вести переговоры»; вместе с тем открыто высказываются пожелания, чтобы стороны примирились с существующим положением и говорили лишь о мелких изменениях. С другой стороны, высказывается и следующий взгляд на вещи: «Бесполезно говорить о мелких изменениях данного положения. Настоящее положение является следствием имев-

ших место военных действий. Речь идет о военном положении, а не об урегулировании спорного вопроса». Однако мы вполне готовы в любое время начать переговоры и обсудить те или иные вопросы, при условии если мы будем вести речь о решении спора, то есть обсуждать вопрос о присоединении княжества Джамму и Кашмир либо к Пакистану, либо к Индии.

92. По-видимому, все, что произошло в этой связи, хорошо известно членам Совета Безопасности. Если Председатель и члены Совета сочтут, что было слишком много изложено для одного дня и что их внимание было достаточно загружено историей спора, то я попросил бы отложить обсуждение до какого-либо дня на будущей неделе, который будет удобен членам Совета. Насколько я понимаю, для одного члена Совета, возможно, неудобен понедельник, а для другого члена, а именно для Председателя на следующий месяц, должно быть, неудобен вторник. Что касается нас, то нам удобен любой день, который пожелает назначить Совет. Если для Совета удобна среда, она подходит и для нас. Я освещу тогда поднятые вопросы, как я их представляю и насколько я их знаю. Я коснусь также ряда основных вопросов, упомянутых другой стороной: почему, например, нельзя достичь прогресса или почему его нельзя достичь на основе соглашения, существующего между сторонами. После рассмотрения этих вопросов я предложу один, два или три метода, любой из которых, возможно, мог бы продвинуть вопрос в направлении к урегулированию.

93. Я вновь повторю здесь, что желание моего правительства состоит не в том, чтобы поднимать спорные вопросы, не в том, чтобы возлагать на кого-то вину, не в том, чтобы создавать предубеждения. Наши усилия не имеют целью — в противоположность тому, что утверждается в индийской прессе, — агитацию и пропаганду. Кого бы нам агитировать? Какую пропаганду могли бы мы вести и как она помогла бы улучшить положение? Обстановка становится чрезвычайно трудной. Она принимает подчас настолько напряженный, острый характер, что появляются опасения, как бы через неделю не вспыхнули вновь бои. Ситуация остается крайне серьезной. Она является причиной розни между двумя странами, которые связаны общими традициями, общей историей и общим языком. В конце концов, и по ту и по другую сторону границы говорят на одних и тех же языках. В сущности литературный язык, на котором мы говорим в Западном Пакистане, — это тот же язык, на котором куда лучше, чем любой из нас, говорит премьер-министр Индии и уж, конечно, он говорит на нем значительно лучше, чем я. Более того, когда мне приходится встречать некоторых моих друзей сикхов, которые в настоящее время проживают в Индии (это часто случается в нашей стране; со мной это происходит два два в месяц, когда я где-нибудь выступаю, особенно в университетах), я могу говорить с ними на языке, который за редким ис-

¹² *Официальные отчеты Совета Безопасности, тринадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1958 года, документ S/3984.*

ключением не понимают жители Индии. От этих тесных связей никуда не уйдешь, кроме того, мы должны противостоять общей опасности, мы должны решать общие проблемы. Обсуждаемая проблема Кашмира является главным вопросом, который разделяет нас. Если бы можно было найти путь к ее урегулированию — а мы знаем, что для достижения урегулирования потребуется некоторое время, ибо этот вопрос оставался долго нерешенным и надлежит рассмотреть множество различных факторов, — если бы она могла быть продвинута в направлении к урегулированию — пусть даже пока не будет достигнуто урегулирование, но будет существовать уверенность, что мы теперь, вероятно, достигнем его справедливым и приемлемым образом, — то многие другие связи между Индией и Пакистаном стали бы более тесными и эти две страны начали бы сотрудничать друг с другом во многих областях к взаимной выгоде каждой из них. Такова наша цель.

94. Я надеюсь, что в результате усилий, принятых Советом Безопасности, урегулирование в конечном итоге будет достигнуто. Боюсь, однако, что это, может быть, является последней возможностью, которая представляется Совету Безопасности. Опять-таки я надеюсь, что Совет не сочтет, что следует действовать поспешно. Я надеюсь, он не будет считать, что дело не может не зайти в тупик или что он должен как-нибудь охарактеризовать обстановку, а затем сделать вид, что вопрос урегулирован. Нет, я надеюсь, что Совет проявит мудрость и рассудительность, использует все свои богатые интеллектуальные и философские ресурсы для преодоления всех сложностей этой проблемы и попытается сблизить заинтересованные стороны перед лицом реальности обстановки, чтобы затем попытаться прийти к урегулированию.

95. Я надеюсь, что несмотря на то, что я занял столько времени, меня все-таки извинят, ибо это оправдано нашей огромной заинтересованностью в том, чтобы были правильно поняты все аспекты обсуждаемой проблемы. Любое чрезмерное упрощение того или иного сложного фактора в этом и без того сложном вопросе не облегчит и не приблизит решение, а затруднит продвижение к этой цели.

96. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Совет заслушал предложение представителя Пакистана о том, чтобы мы отложили наше сегодняшнее заседание и продолжили обсуждение на следующей неделе, в день, который будет удобен всем членам Совета и представителям, приглашенным на это обсуждение.

97. Некоторые представители, безусловно, не могут присутствовать в понедельник, во вторник или в среду. Ввиду этого и учитывая, что мои полномочия истекают в ближайший понедель-

ник, я проконсультировался с представителем Китая, который будет Председателем Совета в мае, о наиболее подходящем дне возобновления нашего обсуждения, и он уполномочил меня заявить, что ему удобен любой день, за исключением вторника и среды.

98. Я поэтому предлагаю закрыть наше сегодняшнее заседание и собраться вновь, если не будет никаких возражений, в четверг, 3 мая, в 10 час. 30 мин.

99. Г-н ДЖХА (Индия) (*говорит по-английски*): Вопрос о том, когда Совет соберется в следующий раз, безусловно, надлежит решить членам Совета. Моя делегация не хотела бы влиять на решение Совета по этому вопросу.

100. Я хотел бы сказать, в сущности мое правительство просило меня сказать это от его имени, что теперь, когда Совет приступил к обсуждению данного вопроса, оно хотело бы видеть скорейшее завершение обсуждения. Я не хочу вдаваться в причины этого. Не комментируя сегодняшнего выступления представителя Пакистана, поскольку с ответом на это заявление должен выступить министр обороны Индии, который воспользуется для этого ближайшей возможностью, я хотел бы только сказать несколько слов по поводу того, что говорилось об уже существующих признаках «очень серьезной обстановки», «общей опасности», равно как и по поводу очень многих других аналогичных выражений, которые оратор применял, чтобы создать впечатление, будто существует очень тревожная обстановка; я могу заверить Совет, что в Индии не наблюдается такого беспокойства, какое, по уверению представителя Пакистана, царит в Пакистане. Однако я не хотел бы вдаваться в подробности всего этого. Любая дата, которую Совет пожелает выбрать для проведения заседания, безусловно, полностью приемлема для нас. Мы предпочли бы, чтобы заседание было назначено на среду, но раз это невозможно, раз Совет не может собраться на заседание в этот день, то мы, конечно, ничего не можем возразить против проведения заседания в четверг. Однако мы выражаем надежду, что после этого Совет не станет делать перерыв в своей работе и доведет обсуждение этого вопроса до конца в кратчайший срок. Таково пожелание, которое я хотел бы высказать Совету.

101. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-испански*): Так как я не слышу возражений, то полагаю, что Совет одобряет мое предложение закрыть сейчас заседание и собраться вновь в четверг, в 10 час. 30 мин.

Предложение принимается.

Заседание закрывается в 17 час. 55 мин.

**КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.